

Марко Вовчок

Записки причетника

Русские повести XIX века 60-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1956

OCR Бычков М. Н.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Краткий этнографический очерк селения Тернов

Я родился в тихой глуши нашего просторного отечества, в неизвестном уголке --ской губернии, в селении Тернах.

Селение Терны скрыто от взоров любознательных путешественников, каждое лето поспешающих на богомолье в --ский славный монастырь, опоясывающими его с трех сторон лесистыми горами, которые, сходясь полукругом к многоводной и быстрой реке, изобилующей рыбою и воспитывающей на берегах своих стаи водяных птиц, образуют обширную впадину, нечто вроде исполинского гнезда, веселящего в весеннее время бархатной мягкостью своей муравы и свежестью густолиственных садов.

Самый ближний город отстоит от Тернов на шестьдесят верст, но кругом немало деревушек и хуторов, и в праздники около терновского храма Пресвятой богородицы всегда толпилось большое количество народа, что значительно оживляло селение и доставляло многие лепты священнодействующему там отцу Еремею.

Зимой, в метель и непогоду, путь в Терны или из Тернов был сопряжен с опасностями: хищные волки, доведенные до неистовства мучениями голода, даже среди белого дня нападали на отважных, решавшихся пуститься по лесу. Терновские жители старались обыкновенно отправляться в путь обществом или отрядом в три-четыре воза и, кроме того, вооружались длинными рогатинами с железными наконечниками вроде пики -- изделие и, если не ошибаюсь, изобретение местного кузнеца, Ивана Бруя.

Одно из многочисленных терновских преданий повествует о некоем Василье Голубце, отличавшемся необычайной красотой лица, зазнабчивостью сердца и легкомыслием; он проводил дни свои, пленяя легковверные толпы девиц, вдов и замужних и вероломствуя с ними самым жестоким образом. Обещав одной вдове, на которую имел коварный умысел, приехать в гости, он, презирая вьюгу, собрался в дорогу, на предостереженья соседей отвечал веселыми шуточками и с удалой песней о наслаждениях любви устремился в лес, где и был на первой же версте растерзан стаей голодных волков. Предание гласит, что персты его до того были унижены перстнями, залогами нежности доверчивых созданий, что даже кровожадные звери не могли пожрать их, и все десять найдены были потом на месте ужасного происшествия, на небольшой прогалинке, и поныне носящей название "Голубцовой".

Бывало, отроком, лежа в зимнюю непогожую ночь без сна на ложе своем и прислушиваясь к диким завываньям, доносящимся из лесу, я живо представлял себе легкомысленного и вероломного красавца Василья Голубца, с удалым пеньем стремящегося через лесную чащу, осыпанную инеем, сверкающие со всех сторон подобно раскаленным углям глаза хищных зверей, последующую затем страшную драму и содрогался. Невзирая на страх при одном представлении давно случившегося события, я, по младенческому бессмыслию, вместе с тем пламенно желал повторения того же в несколько измененном виде и провожал всякого, отправляющегося в дорогу зимней порой, с тайным упованием, что он не избегнет страшной встречи.

Но я всегда бывал разочарован в своих ожиданиях. Многие, правда, рассказывали, что видели стаю волков, но звери эти, после жалких попыток нападения, обыкновенно обращались в бегство. За мою память самой ужаснейшей драмой, разыгравшейся в этом роде, было похищение поповой коровы, домашнего, но свирепого животного, которое норовило всякому встречному, кроме попадьи, дать рогом в бок.

Если опушенные инеем леса и окованная льдом река производили унылое впечатление на тех, кто, подобно мне, осужден был, за неимением теплых и удобных одежд, сидеть у окна и завидовать нагло чирикающим воробьям, бодро перелетающим с крыши на крышу и с забора на забор, то весна, лето и осень сторицею вознаграждали его за претерпенные зимой неудовольствия. Кроме обычных сельских утех